

А. И. Шаповалова,
докторант Киевского национального университета
им. Тараса Шевченко, Украина

Доктрина голлизма во внешней политике Франции в период правления Николя Саркози

Период президентства Н. Саркози является наиболее неоднозначным с точки зрения приверженности доктрине голлизма во внешнеполитическом курсе Франции. С одной стороны, магистральные элементы дискурсивного обоснования внешней политики, присущие голлистской традиции, неизменно фигурировали в риторике шестого президента Пятой республики. Но с другой, практические шаги, позиции, которые занимал Париж по актуальным вопросам международной жизни, и, наконец, манера и стиль ведения внешней политики указывают на серьёзные сдвиги во внешнеполитическом комплексе Франции.

Следует признать, что эти сдвиги являются продуктом не только целенаправленных действий руководства страны, но и влияния бурной международной среды, в которой ему приходилось внедрять в жизнь свою политическую линию. Однако в период президентства Н. Саркози произошло наполнение внешней политики Франции новым практическим содержанием и дополнение её новыми элементами, которые сами по себе не противоречат фундаментальным концептуальным основам, сформулированным доктриной голлизма, но которые в совокупности изменяют их практическое проявление, иногда кардинальным образом.

Три фактора способствовали таким изменениям. Первым из них была активная, иногда излишне импульсивная личная манера Н. Саркози, не всегда подкрепляемая адекватным стратегическим расчётом. В его действиях тактические задачи явно превалировали над перспективными, далеко идущими целями. Вследствие этого складывалось впечатление, что импульсивные реакции и ситуативные соображения заменили для Саркози целостную внешнеполитическую стратегию Франции [3, 140].

Дефицит целостности проявился также и в формах реализации внешнеполитического курса, который в правление Саркози развивался главным образом вокруг ряда амбициозных инициатив, ассоциируемых с фигурой главы государства. Эти инициативы, сформулированные в довольно масштабных категориях и целиком в духе голлистской риторики, должны были способствовать восстановлению лидерских позиций Франции в европейских и глобальных процессах и возвращению ей роли великой державы, не блокирующей решение международных проблем, а выступающей движущей силой их разрешения. Но на деле они имели небольшой практический смысл и несли ограниченные, преимущественно декларативные последствия, камуфлируя в то же время снижение внимания к тем направлениям и аспектам внешней политики Франции, которые составляли квинтэссенцию её международного позиционирования в предыдущие годы.

Вторым фактором выступала чрезмерная даже для Франции персонализация внешней политики и её концентрация в руках главы государства. При длительной традиции отнесения внешней политики к исключительному ареалу президента, так называемой заповедной зоне (*domain reserve*), её выработка на предыдущих этапах происходила в тесном контакте главы государства с министерством иностранных дел, благодаря чему обеспечивалось его привилегированное положение в системе государственной власти. Такое положение внешнеполитического ведомства, в свою очередь, служило организационной гарантией континуальности курса государства на международной арене. В правление Н. Саркози эта традиция была нарушена. Ключевые внешнеполитические решения принимались узким кругом лиц в пределах аппарата президента с явным или скрытым игнорированием Кэ д'Орсэ, роль которой свелась сугубо к выполнению решений, выработанных в Елисейском дворце.

Третий фактор связан со значительной прагматизацией французского курса на международной арене, проявившейся в двух тенденциях: во-первых, инструментализации внешней политики в целях внутренней безопасности, экономического процветания и культурного проникновения [3, 147], а во-вторых, расширении круга вопросов, в которых Париж готов идти на уступки ради достижения компромисса с международными партнёрами. Многие позиции Франции, считавшиеся до этого принципиальными и символическими, Саркози

рассматривал как предметы торга, значение которых определялось их инструментальным значением в диалоге с ведущими центрами силы.

Каждый из указанных факторов внёс ограниченные и даже не всегда заметные изменения во внешнюю политику Франции, но в своей совокупности они обусловили такую коррекцию французского внешнеполитического пейзажа, в котором в итоге сложно узнать классическую голлистскую картину.

Вместе с тем изменения, привнесённые правлением Н. Саркози во внешнеполитический комплекс Франции, нельзя считать глубинными и необратимыми. В конце концов, этот «нетипичный» президент пытался «рационализировать» французскую политику, придать ей большую гибкость и эффективность, не утратив при этом её глобального видения и автономного положения в международной системе. И в некотором смысле это ему удалось, но не совсем так, как он на это рассчитывал в начале своего президентского срока. Отказ от категоричности и готовность к компромиссам позволили нормализовать атмосферу в отношениях с ключевыми партнёрами Франции, но не позволили окончательно разрешить политические противоречия, происходящие от структурных особенностей положения государства в постбиполярной системе, которые не могут быть преодолены путём одних только односторонних шагов Парижа.

Н. Саркози пришёл к власти на том этапе, когда дезориентированная и в некотором смысле деморализованная французская дипломатия нуждалась в новом импульсе для включения в мировые и европейские процессы в своей традиционной инициативной роли. В некотором смысле ему пришлось «реанимировать» внешнеполитический курс Франции, причем на глобальном, трансатлантическом и европейском уровнях одновременно. Для этого первым делом было необходимо избавиться от шлейфа обструкционистского имиджа и преодолеть атмосферу отчуждения с партнёрами, позиция которых препятствовала воплощению французских амбиций, — США, странами Центрально-Восточной Европы и Европейской Комиссией [1].

Наряду с этим Н. Саркози, имея личную расположенность к трансатлантическому партнёрству, выдвигал на первый план идею восстановления позиций Франции в «западной семье», представляя её в качестве первого и обязательного условия как укрепления национальной независимости государства, так и воплощения в жизнь её

политического проекта кооперативной мультиполярности. Поэтому одной из первых его внешнеполитических инициатив стало объявление о возобновлении полноценного участия в Североатлантическом альянсе.

В принципе сама по себе эта инициатива не стала неожиданностью, тем более что для финализации возвращения в военную организацию НАТО Франции оставалось только выполнить формальные процедуры, поскольку, несмотря на публичную остановку этого процесса в 1997 г., администрация Ж. Ширака в последующие годы осуществляла последовательные, хотя и не очень публичные шаги в направлении вхождения в оперативные структуры Альянса в рамках создания Сил реагирования НАТО и выполнения военных операций. Несколько десятков французских офицеров уже были задействованы в штабах интегрированного командования для планирования и осуществления задач кризисного реагирования.

Но несмотря на схожесть риторики, сближение Франции с НАТО с приходом Н. Саркози в корне отличалось от аналогичной попытки времён Ж. Ширака. Если предыдущая администрация рассматривала этот процесс скорее в инструментальном смысле, как путь к реализации собственного видения европейской стратегической автономии, то для Саркози он имел в первую очередь собственную ценность, даже если источниками его легитимации были те же самые дискурсы о национальной независимости и укреплении европейской безопасности. С точки зрения этого номинально представителя неоголлистских сил, в новых системных условиях платформой для поддержания международного ранга Франции должно стать её надлежащее и признанное место в западном сообществе. И в этом заключается принципиальный отход от постулатов голлистской доктрины.

Разумеется, этот отход не был представлен как разрыв с голлизмом как таковым, наоборот, он был «вмонтирован» в традиционную модель позиционирования Франции как линия, логически вытекающая из классических голлистских постулатов и изменяющая только практические средства их воплощения [2]. Н. Саркози дополнил их идеей статусного утверждения в трансатлантическом партнёрстве, чем сместил баланс в одной из имманентных для голлизма дилемм между консолидацией западного сообщества и укреплением связей с альтернативными центрами силы. При этом он активно поддерживал

такие связи, но их политическое значение для французской стратегии очевидно снизилось.

Компенсацией данного сдвига до некоторой степени стала интенсификация односторонних шагов в духе национальной независимости. Первичные внешнеполитические инициативы, с которыми Саркози пришёл к власти, носили явно односторонний характер, что обуславливало их не слишком положительное восприятие со стороны международных партнёров и часто отображалось на их практических результатах. Но подобное сочетание национальной независимости с усилением атлантической солидарности нельзя назвать оптимальным хотя бы потому, что национальная независимость в политике Н. Саркози представляла собой набор эпизодических односторонних шагов и заявлений, нежели целостную стратегию в направлении сокращения структурных ограничений, основанную на полномасштабном глобальном проекте.

Список источников и литературы

1. Interview du Président de la République M. Nicolas Sarkozy. [Электронный ресурс] // The New York Times. 2007. 24 septembre. URL: <http://basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-doc/e002150.pdf>
2. Howorth J. Prodigal Son or Trojan Horse: what's in it for France? // European Security. 2010. Vol. 19. No. 1. P. 11–28.
3. Meunier S. Chapitre 5. La politique étrangère de Nicolas Sarkozy. Rupture de fond ou de style // Politiques publiques. 2012. No. 3. P. 133–151.